
Провалившийся «НОС»

[Александр КУЗЬМЕНКОВ](#) - 01 марта 2017

Body

Александр Кузьменков

Провалившийся «НОС»

«НОС» – самая, пожалуй, амбициозная из отечественных литературных премий. Ее хозяева говорят о своих питомцах с широчайшей распальцовкой: «новая словесность», «новая социальность», «новые смыслы», «новая система координат в литературе»... Эти слоганы, как и любые другие, следует воспринимать с точностью до наоборот.

В свое время Пьер Бурдые проанализировал премиальный механизм и пришел к предсказуемым выводам: а) премия не является гарантией эстетической ценности текста; б) премии получают писатели с высоким модусом внутригруппового участия (проще говоря, члены литтусовки), лояльные к определенным темам и политическим условиям (проще говоря, конъюнктурные авторы).

Вот, собственно, и вся новая система координат. «НОС-2016» наилучшим образом это подтвердил.

.
СВОБОДЕН ДЛЯ ЧЕГО?

(И. Сахновский «Свобода по умолчанию»; М., «АСТ», 2016).

.
По итогам интернет-голосования 200-тысячный приз читательских симпатий «НОСа» достался Игорю Сахновскому за роман «Свобода по умолчанию». Честно говоря, в участие читателей в премиальном процессе я верю примерно так же, как домовых и леших. Ну да это моя личная драма. Познакомимся с любимцем публики.

Игорь Сахновский, подсказывает Википедия, – лауреат премий Fellowship Hawthornden International Writers Retreat (Великобритания) и «Русский Декамерон», член Международного ПЕН-клуба и Русского ПЕН-центра. В силу последнего обстоятельства – профессиональный борец за права человека и свободу слова. «Свобода по умолчанию» – как раз об этом.

Позволю себе лирическое отступление. Ильфопетровские персонажи, если помните, условились не писать про узун-кулак, шайтан-арбу и прочие пошлости в восточном вкусе. Недурно было б их внукам заключить подобное соглашение насчет антиутопий, поскольку все они, начиная с красновского романа «За чертополохом» (1922), сделаны на одну колодку: что «Москва-2042», что «День опричника»...

«Свобода по умолчанию» на их фоне – типичное повторение пройденного, семьдесят

седьмая вода на киселе: голод-нищета-разруха, православие-самодержавие-народность. Бутики закрылись в Пятилетку временных трудностей. Супермаркеты торгуют баклажанной икрой. На улицах зверствуют нравственные патрули с надувными хоругвями и разъезжают колонны православных байкеров. Взятка легализована под именем «добровольного содействия в реализации властных функций» или «народного делового ресурса». Компрометировать политиков нельзя: действует закон об оскорблении чувств электората. Национальной идеей объявлен конец света... За скучными подробностями прошу к Сим Симычу Карнавалову и Андрею Даниловичу Комяге. Они это уже рассказывали, им не привыкать.

Протагонист «Свободы» по фамилии Турбанов – мелкий клерк в Министерстве контроля за соблюдением национальных стандартов. Конкретнее – цензор, ставит одобрительные штампы на тексты орденоносца, лауреата всех мыслимых премий и графомана Макара Лепилова (ну, вы поняли) и не пропускает в печать рукопись графомана Рихарда Жабулаева (вы опять-таки поняли).

Главного героя, извольте видеть, угораздило познакомиться с безработной актрисой Агатой, и все заверте... Оруэлловская антиутопия плавно въехала в джеймсбондовский триллер с мокрухой, переодеваниями и перестрелками, кражей миллиона долларов из «народного делового ресурса», побегом в счастливое и свободное Буржуинство и прочими атрибутами бульварщины. Пересказывать ее еще скучнее, чем пугалки для детей изрядного возраста. Если вкратце, Турбанов с Агатой вывезли баксы за рубеж, раскидали по офшорным счетам и купили домик в Риеке: «Здесь никто не настаивает на своем историческом величии. И не талдычит о гордости за страну. Потому что дороже всякого величия – нормальная человеческая жизнь». Общечеловеческие ценности, как же без них? – да еще и в Фонде Михаила Прохорова...

С вашего разрешения – еще одно лирическое отступление. Ценность свободы аксиоматична и обсуждению не подлежит. Но позвольте полюбопытствовать: а на кой черт вам свобода, граждане? На что ее употребите? Ницше не всуе вопрошал: «Свободным называешь ты себя? Твою господствующую мысль хочу я слышать, а не о том, что ты сбросил ярмо с себя... Свободный от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но твой ясный взор должен поведать мне: свободный для чего?»

Сахновский, сам того, похоже, не ведая, воспроизвел вечный национальный метасюжет: об инволюции свободы как социально-политической категории.

Впрочем, вместо теоретических рассуждений вспомним книжные лотки перестроечных времен, где упомянутый полулегальный Оруэлл соседствовал с упомянутым полулегальным Флемингом. Лет через пять Оруэлла стало заметно меньше, а потом и вовсе не стало. А после и Флеминг исчез, безоговорочно капитулировав перед Донцовой. Свобода слова нашла своего бенефициара, и Сахновский наглядно проиллюстрировал жанровой синергией.

Если отвлечься от литературных реалий, то выяснится, что деградировала не только свобода слова. Но и свобода вообще: диссидентскую риторику сменил клич «грабь награбленное», вполне по Сахновскому. И дальше все точь-в-точь как в романе: триумф общечеловеческих ценностей в виде офшоров и Адриатики. Правда, насчет «обще» у меня ба-альшие сомнения: не всякому оно по карману...

Тут лучше умолкнуть: во-первых, невесело выходит, а во-вторых – банально до неприличия. Что до Сахновского – дай ему, Боже, и завтра то же. Не был бы еще вторичен до оскомины...

(Борис Лего «Сумеречные рассказы»; М., «Эксмо», 2016).

Носатый ареопаг присудил 700-тысячную премию «Сумеречным рассказам», напечатанным под пластмассовым псевдонимом. Впрочем, новоявленная Черубина де Габриак недолго хранила целомудренное инкогнито. Открыв книжку, эксперты воскликнули: ба-а, знакомые все лица! – сборник состоял из текстов Олега Зоберна, хорошо знакомых читателю.

Информация к размышлению: Зоберн Олег Владимирович. Сын Владимира Зоберна, главы издательства «Русская миссия». Неоднократно называл себя православным писателем. Лауреат премии «Дебют», что само по себе диагноз. Известен тем, что довел серию «Уроки русского» в издательстве «КоЛибри» до полной нерентабельности, ибо публиковал унылый трэшак – суконный язык плюс летальная доза монотонного пэтэушного мата. С 2012 года курирует одноименную серию в издательстве «НЛО». Контент остается прежним: «Видоискательница» Купряшиной, «Джу-Джу» Разумовского и проч.

При ближайшем знакомстве с «Сумеречными рассказами» читатель испытывает стойкое *déjà vu*: «На фуршете в одном московском литературном салоне она достала из кармана чёрного платья маленькую рюмку, налила туда водки из бутылки, стоявшей на столе, выпила...» Шесть лет назад это называлось «Девки не ждут» и входило в сборник «Шырь». Теперь это называется «Тяжелое дыхание» и входит в «Сумеречные рассказы». Найдите пять отличий.

Хотя одно отличие вы точно обнаружите. Напомню: при входе в Фонд Прохорова прозаик обязан предъявить свидетельство о политической благонадежности. Что О.З. и проделал: на живую нитку пришел к старым текстам средневековый гримуар «Малый ключ Соломона». Посыл считывается легче легкого: современная Россия есть обиталище демонов, бесовщина торжествует во всех сферах жизни. Наркоман добивается аудиенции у Люцифера, пенсионер предлагает построить храм Сатаны, и священник ему не возражает, радиоинженер докладывает Лучезарному Господину о желании подавить «инострannую звукопропаганду... чтобы освободить место для трансляции русских народных новостей, хоровых песен, записей богослужений и гимна Российской Федерации». О.З. идет в лобовую атаку на читателя – видимо, иные маневры сочинителю недоступны в силу нежного возраста. Глупо, наивно, – да выше задницы не прыгнешь...

Впрочем, лучше один раз увидеть. Извините за безразмерную цитату, но образчик для дегустации очень хорош: «Это мы сожгли во славу Сатаны домик в садовом товариществе “Пушкино”... Мечтаем убить бомжа. Но не было подходящего случая... Поэтому пока тренируемся на кошках... Мы распинаем кошек, топим, колем ножом... Решили убить 666 штук... Вечерние новости: идёт война с Украиной. Хорошо. Война – это возможность питаться чистой энергией. Без ритуалов, без лишних слов... Вчера увидел объявление на столбе возле детского сада: коммунистическая партия России помогает желающим отправиться на войну с Украиной. Рассказал пацанам. Мы сразу всё решили. Едем втроем: я, Чан и Поролон. А когда вернемся, закончим с кошками – осталось 638 штук» («Новобранцы»).

«Эксмо» по какому-то фатальному недомыслию определило «Сумеречные рассказы» в серию «Русская готика». Хотя какая тут, к Люциферу и Бафомету, готика? – все тот же трэшак, что и у Разумовского с Купряшиной. Слабо закамуфлированный под социальную сатиру и с портретами демонов работы Луи Бретона.

«Выбор жюри "НОСа" выглядит на редкость оригинально. Любой критик мечтает найти нового Гоголя. Тут, конечно, не Гоголь, но хотя бы новый», – восхитился Константин Мильчин. Ага. Это ново, как фамилия Попова: арсенал приемов и художественных средств тут не обновлялся с приснопамятных «Нравов Растеряевой улицы». А были еще подмаксимки, и Мамлеев, Сорокин с Масодовым, и ранний Сенчин... Если говорить о недавнем прошлом, то Козлов (Владимир), Козлова, Беседин и вся честная компания новых реалистов топчут эту поляну уже полтора десятка лет. Гибрид трэша и самодельной мистики тоже не в новинку – его опробовал Елизаров в «Кубиках». И, как выясняется, гораздо удачнее. В общем, Зоберну-Лего весьма удалась и новая словесность, и новая социальность. Обе второй свежести.

На первый взгляд, рецепт успеха здесь предельно прост: берем опубликованный текст, выполняем косметический ремонт (новое название, две-три новые фразы), добавляем конъюнктурную составляющую... Но не думайте, что «НОС» у вас в кармане. Зоберн, как и было сказано, работает в издательстве «НЛО». А названной конторой, равно и «НОСом», рулит Ирина Прохорова. Весьма подозреваю, что именно она и порадела родному человечку.

Впрочем, литературное закулисье не вызывает ничего, кроме стойкой тошноты. Лучше расскажу вам забавную историю.

Года три назад Зоберн выложил в блогах «Эха Москвы» громокипящий пост под характерным названием «Железные Задницы»: «Нельзя вот так неторопливо... и обстоятельно писать – после того, как Михаил Кузьмин умер от воспаления легких, Евгений Харитонов – от инфаркта, Егор Радов – выпив флакон дочкиных духов MidnightPoisonDior; один за другим мрут остальные, снисходя в озеро Халколиван, а Железные Задницы сидят и выдумывают свою учтивую премиальную беллетристику». Широ-ок человек, да. Но андерграунд кончается там, где начинаются деньги. Тому в истории мы тьму примеров слышим: от Маяковского до Макаревича...

ЭПИЛОГ

От финальной сентенции намеренно воздержусь. Во-первых, ничего нового не скажу. А во-вторых, комментировать тут нечего: и так все понятно.

«НОС» – самая, пожалуй, амбициозная из отечественных литературных премий. Ее хозяева говорят о своих питомцах с широчайшей распальцовкой: «новая словесность», «новая социальность», «новые смыслы», «новая система координат в литературе»... Эти слоганы, как и любые другие, следует воспринимать с точностью до наоборот.

В свое время Пьер Бурдьё проанализировал премиальный механизм и пришел к предсказуемым выводам: **а) премия не является гарантией эстетической ценности текста; б) премии получают писатели с высоким модусом внутригруппового участия (проще говоря, члены литтусовки), лояльные к определенным темам и политическим условиям (проще говоря, конъюнктурные авторы).**

Вот, собственно, и вся новая система координат. «НОС-2016» наилучшим образом это подтвердил.

СВОБОДЕН ДЛЯ ЧЕГО?

(И. Сахновский «Свобода по умолчанию»; М., «АСТ», 2016).

По итогам интернет-голосования 200-тысячный приз читательских симпатий «НОСа» достался Игорю Сахновскому за роман «Свобода по умолчанию». Честно говоря, в участие читателей в премиальном процессе я верю примерно так же, как домовых и леших. Ну да это моя личная драма. Познакомимся с любимцем публики.

Игорь Сахновский, подсказывает Википедия, – лауреат премий Fellowship Hawthornden International Writers Retreat (Великобритания) и «Русский Декамерон», член Международного ПЕН-клуба и Русского ПЕН-центра. В силу последнего обстоятельства – профессиональный борец за права человека и свободу слова. «Свобода по умолчанию» – как раз об этом.

Позволю себе лирическое отступление. Ильфопетровские персонажи, если помните, условились не писать про узун-кулак, шайтан-арбу и прочие пошлости в восточном вкусе. Недурно было б их внукам заключить подобное соглашение насчет антиутопий, поскольку все они, начиная с красновского романа «За чертополохом» (1922), сделаны на одну колодку: что «Москва-2042», что «День опричника»...

«Свобода по умолчанию» на их фоне – типичное повторение пройденного, семьдесят седьмая вода на киселе: голод-нищета-разруха, православие-самодержавие-народность. Бутики закрылись в Пятилетку временных трудностей. Супермаркеты торгуют баклажанной икрой. На улицах зверствуют нравственные патрули с надувными хоругвями и разъезжают колонны православных байкеров. Взятка легализована под именем «добровольного содействия в реализации властных функций» или «народного делового ресурса». Компрометировать политиков нельзя: действует закон об оскорблении чувств электората. Национальной идеей объявлен конец света... За скучными подробностями прошу к Сим Сымичу Карнавалову и Андрею Даниловичу Комяге. Они это уже рассказывали, им не привыкать.

Протагонист «Свободы» по фамилии Турбанов – мелкий клерк в Министерстве контроля за соблюдением национальных стандартов. Конкретнее – цензор, ставит одобрительные штампы на тексты орденоносца, лауреата всех мыслимых премий и графомана Макара Лепилова (ну, вы поняли) и не пропускает в печать рукопись графомана Рихарда Жабулаева (вы опять-таки поняли).

Главного героя, извольте видеть, угораздило познакомиться с безработной актриской Агатой, и все заверте... Оруэлловская антиутопия плавно въехала в джеймсбондовский триллер с мокрухой, переодеваниями и перестрелками, кражей миллиона долларов из «народного делового ресурса», побегом в счастливое и свободное Буржуинство и прочими атрибутами бульварщины. Пересказывать ее еще скучнее, чем пугалки для детей изрядного возраста. Если вкратце, Турбанов с Агатой вывезли баксы за рубеж, раскидали по офшорным счетам и купили домик в Риеке: «Здесь никто не настаивает на своем историческом величии. И не талдычит о гордости за страну. Потому что дороже всякого величия – нормальная человеческая жизнь». Общечеловеческие ценности, как же без них? – да еще и в Фонде Михаила Прохорова...

С вашего разрешения – еще одно лирическое отступление. Ценность свободы аксиоматична и обсуждению не подлежит. Но позвольте полюбопытствовать: а на кой черт вам свобода, граждане? На что ее употребите? Ницше не всуе вопрошал: «Свободным называешь ты себя? Твою господствующую мысль хочу я слышать, а не о том,

---

что ты сбросил ярмо с себя... Свободный от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но твой ясный взор должен поведать мне: свободный для чего?»

Сахновский, сам того, похоже, не ведая, воспроизвел вечный национальный метасюжет: об инволюции свободы как социально-политической категории.

Впрочем, вместо теоретических рассуждений вспомним книжные лотки перестроечных времен, где упомянутый полулегальный Оруэлл соседствовал с упомянутым полулегальным Флемингом. Лет через пять Оруэлла стало заметно меньше, а потом и вовсе не стало. А после и Флеминг исчез, безоговорочно капитулировав перед Донцовой. Свобода слова нашла своего бенефициара, и Сахновский наглядно проиллюстрировал жанровой синергией.

Если отвлечься от литературных реалий, то выяснится, что деградировала не только свобода слова. Но и свобода вообще: диссидентскую риторику сменил клич «грабь награбленное», вполне по Сахновскому. И дальше все точь-в-точь как в романе: триумф общечеловеческих ценностей в виде офшоров и Адриатики. Правда, насчет «общее» у меня ба-альшие сомнения: не всякому оно по карману...

Тут лучше умолкнуть: во-первых, невесело выходит, а во-вторых – банально до неприличия. Что до Сахновского – дай ему, Боже, и завтра то же. Не был бы еще вторичен до оскомины...

ЧЕРУБИНА ДЕ ЗОБЕРН

(Борис Лего «Сумеречные рассказы»; М., «Эксмо», 2016).

Носатый ареопаг присудил 700-тысячную премию «Сумеречным рассказам», напечатанным под пластмассовым псевдонимом. Впрочем, новоявленная Черубина де Габриак недолго хранила целомудренное инкогнито. Открыв книжку, эксперты воскликнули: ба-а, знакомые все лица! – сборник состоял из текстов Олега Зоберна, хорошо знакомых читателю.

Информация к размышлению: Зоберн Олег Владимирович. Сын Владимира Зоберна, главы издательства «Русская миссия». Неоднократно называл себя православным писателем. Лауреат премии «Дебют», что само по себе диагноз. Известен тем, что довел серию «Уроки русского» в издательстве «КоЛибри» до полной нерентабельности, ибо публиковал унылый трэшак – суконный язык плюс летальная доза монотонного пэтэушного мата. С 2012 года курирует одноименную серию в издательстве «НЛО». Контент остается прежним: «Видоискательница» Купряшиной, «Джу-Джу» Разумовского и проч.

При ближайшем знакомстве с «Сумеречными рассказами» читатель испытывает стойкое *déjà vu*: «На фуршете в одном московском литературном салоне она достала из кармана чёрного платья маленькую рюмку, налила туда водки из бутылки, стоявшей на столе, выпила...» Шесть лет назад это называлось «Девки не ждут» и входило в сборник «Шырь». Теперь это называется «Тяжелое дыхание» и входит в «Сумеречные рассказы». Найдите пять отличий.

Хотя одно отличие вы точно обнаружите. Напомню: при входе в Фонд Прохорова прозаик обязан предъявить свидетельство о политической благонадежности. Что О.З. и проделал:

на живую нитку пришел к старым текстам средневековый гримуар «Малый ключ Соломона». Посыл считывается легче легкого: современная Россия есть обиталище демонов, бесовщина торжествует во всех сферах жизни. Наркоман добивается аудиенции у Люцифера, пенсионер предлагает построить храм Сатаны, и священник ему не возражает, радиоинженер докладывает Лучезарному Господину о желании подавить «инострannую звукопропаганду... чтобы освободить место для трансляции русских народных новостей, хоровых песен, записей богослужений и гимна Российской Федерации». О.З. идет в лобовую атаку на читателя – видимо, иные маневры сочинителю недоступны в силу нежного возраста. Глупо, наивно, – да выше задницы не прыгнешь...

Впрочем, лучше один раз увидеть. Извините за безразмерную цитату, но образчик для дегустации очень хорош: «Это мы сожгли во славу Сатаны домик в садовом товариществе “Пушкино”... Мечтаем убить бомжа. Но не было подходящего случая... Поэтому пока тренируемся на кошках... Мы распинаем кошек, топим, колем ножом... Решили убить 666 штук... Вечерние новости: идёт война с Украиной. Хорошо. Война – это возможность питаться чистой энергией. Без ритуалов, без лишних слов... Вчера увидел объявление на столбе возле детского сада: коммунистическая партия России помогает желающим отправиться на войну с Украиной. Рассказал пацанам. Мы сразу всё решили. Едем втроем: я, Чан и Поролон. А когда вернемся, закончим с кошками – осталось 638 штук» («Новобранцы»).

«Эксмо» по какому-то фатальному недомыслию определило «Сумеречные рассказы» в серию «Русская готика». Хотя какая тут, к Люциферу и Бафомету, готика? – все тот же трэшак, что и у Разумовского с Купряшиной. Слабо закамуфлированный под социальную сатиру и с портретами демонов работы Луи Бретона.

«Выбор жюри "НОСа" выглядит на редкость оригинально. Любой критик мечтает найти нового Гоголя. Тут, конечно, не Гоголь, но хотя бы новый», – восхитился Константин Мильчин. Ага. Это ново, как фамилия Попова: арсенал приемов и художественных средств тут не обновлялся с приснопамятных «Нравов Растеряевой улицы». А были еще подмаксимки, и Мамлеев, Сорокин с Масодовым, и ранний Сенчин... Если говорить о недавнем прошлом, то Козлов (Владимир), Козлова, Беседин и вся честная компания новых реалистов топчут эту поляну уже полтора десятка лет. Гибрид трэша и самодельной мистики тоже не в новинку – его опробовал Елизаров в «Кубиках». И, как выясняется, гораздо удачнее. В общем, Зоберну-Лего весьма удалась и новая словесность, и новая социальность. Обе второй свежести.

На первый взгляд, рецепт успеха здесь предельно прост: берем опубликованный текст, выполняем косметический ремонт (новое название, две-три новые фразы), добавляем конъюнктурную составляющую... Но не думайте, что «НОС» у вас в кармане. Зоберн, как и было сказано, работает в издательстве «НЛО». А названной конторой, равно и «НОСом», рулит Ирина Прохорова. Весьма подозреваю, что именно она и порадела родному человеку.

Впрочем, литературное закулисье не вызывает ничего, кроме стойкой тошноты. Лучше расскажу вам забавную историю.

Года три назад Зоберн выложил в блогах «Эха Москвы» громокипящий пост под характерным названием «Железные Задницы»: «Нельзя вот так неторопливо... и обстоятельно писать – после того, как Михаил Кузьмин умер от воспаления легких, Евгений Харитонов – от инфаркта, Егор Радов – выпив флакон дочкиных духов MidnightPoisonDior; один за другим мрут остальные, снисходя в озеро Халколиван, а Железные Задницы сидят и выдумывают свою учтивую премиальную беллетристику». Широ-ок человек, да. Но андерграунд кончается там, где начинаются деньги. Тому в истории мы тьму примеров слышим: от Маяковского до Макаревича...

.

ЭПИЛОГ

.

От финальной сентенции намеренно воздержусь. Во-первых, ничего нового не скажу. А во-вторых, комментировать тут нечего: и так все понятно.

.

Изображение: Худ. В.Горяев.

[Александр КУЗЬМЕНКОВ](#) - 01 марта 2017

<http://webkamerton.ru//2017/03/provalivshijsya-nos>